

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ
ТЕКСТАХ КАК МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО
МИРОВИДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КАВКАЗСКИХ
ПАРЕМИЙ)

(Connotaciones culturales en los textos folclóricos
como marcadores de la concepción del mundo.
Sobre la base de las paremias rusas y caucásicas)

©Марина Ч. Кремшокалова

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова г.
Нальчик (Россия)*

Marina Ch. Kremshokalova

Universidad Estatal Kabardino-Balkaria "J. M. Berbekov", Nalchik (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Fecha de recepción: 13.12.2011

Fecha de evaluación: 26.02.2012

Cuadernos de Rusística Española n° 8 (2012), 95-101

ABSTRACT

The article discusses some of the specific cultural connotations, reflected in proverbs and sayings of the Russian and Caucasian languages. The author believes that the connotation is a marker of national worldview and reflects the cultural code of his values views.

Key words: connotations, values, proverbs, cultural code, language awareness.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются некоторые специфические культурные коннотации, нашедшие отражение в пословицах и поговорках русского и кавказских языков. Автор исходит из того, что коннотация является маркером национального мировидения и отражает культурный код в его ценностных представлениях.

Ключевые слова: коннотация, ценности, паремии, культурный код, языковое сознание.

Современная научная парадигма выдвинула на первый план такие области, как культурология и лингвокультурология. Культурология - междисциплинарная область знания, которая, как отмечает С.Я. Левит, «изучает мир в контексте его культурного существования, т.е. со стороны того, чем этот мир является для человека, каким смыслом он для него наполнен» (1,с.654). Лингвокультурология определяется как гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живом национальном языке и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру. По мнению В.Н.Телия, базовым для лингвокультурологии является понятие культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковой знак. Культурная коннотация определяется как «интерпретация денотативного,

или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» (2,с.214).

При изучении текстов фольклора в рамках так называемых антропоцентрических дисциплин коннотативные (вторичные моделирующие) системы, план выражения которых сам по себе является знаковой системой, выступают как объекты исследования. Языковой материал в лингвофольклористике рассматривается в специфических ракурсах, позволяющих говорить об особенностях семантики и «функции фольклорного слова, совпадающего с общезыковым узусом референциально (так сказать, по «значению», по денотату), но отличающегося сигнификативно (по смыслу), а также о его повышенной коннотативной нагруженности» (3,с.24). В Большом энциклопедическом лингвистическом словаре под коннотацией понимается «компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» (4,с.236). Как отмечает Л.М.Штейнгарт, «закрепление ассоциативных признаков в значении слова – возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный. Под понятием «культурная коннотация» понимается социальная, эмоциональная и эмоционально-образная значимость языкового знака для той или иной лингвокультурной общности» (5,с.196). В.А.Маслова считает, что «в коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину» (6,с.56).

Паремиологическая картина мира антропоцентрична в связи с тем, что мировидение проецируется через человека, понимание окружающего мира, его социальная адаптированность переносится на самого себя. Поэтому многие пословицы содержат названия частей человеческого тела, имеющие прямое соотношение с названным объектом. Однако чаще всего в фольклорных текстах встречаемся с преломлением прямого значения и приобретением коннотативного. Так, например, в русской картине мира глаза – это зеркало души, а во многих кавказских языках такая установка не продуктивна. Глаза соотносятся в абхазском, абазинском, кабардинском, осетинском, дагестанском и других языках с совестью так же, как и лицо: *каб.* «На лице – стыдливость, на языке – ум», а в абазинском варианте «Лицо – зеркало души». В некоторых случаях глаза отражают состояние страха, испуга: *рус.* «Глаза боятся, руки делают», *табас.* «В испуганный глаз и соринка целится».

Соматический (или меронимический в терминологии В.Г.Гака) код культуры относят к традиционным базовым. Первостепенное значение соматического кода обусловлено тем, что для категоризации и концептуализации мира необходима точка отсчета, каковой является телесная организация человека. «Поэтому осознанию мира предшествует осознание человеком самого себя. С этого начинается окультурация человеком окружающего мира» (7, с.298). Слова, обозначающие части человеческого тела, расширяют свое денотативное значение и используются как метафорические или метонимические номинализации культурных смыслов. В результате указанного

использования соматизмов, как отмечает Р.С.Кимов, «в семантической структуре полисеманта формируется и хранится информация о мире в виде «метафорически и метонимически мотивированных значений» (термин Ю.Д.Апресьяна), в чем и проявляется другая, не менее важная, а именно эпистемическая функция языка» (8,с.117).

В паремиологическом материале абхазского, абазинского и адыгских языков многие морально-нравственные и духовные ценности, на наш взгляд, занимающие самый большой пласт в культурных ценностях данного этноса, представлены именно соматизмами, например, «Заставить землю вспахать губами» (приучить), «Пчела ужалила в голову» (быть сильно чем-то расстроенным), «Пока одну ногу поднимет, другую собака укусит» (медлительный), «Пьет воду через нос» (неразумный в поступках), «Его сердце наполнено сгустком крови» (злой человек), «Его сердце в бешито (восточный ветер)» (витает в облаках), «Два раза глазом не посмотрит» (решительный) и мн. др.

В пословицах и поговорках получили широкое распространение зоонимы и фитонимы, передающие биоморфный код культуры. Как утверждает исследователи, «под воздействием складывающихся в культуре эталонов и стереотипов обыденного сознания в языке закрепляются случайные ассоциации между элементами биоморфного кода и свойствами и качествами человека» (9, с.193). Близость человека и животных (включая насекомых) как одушевленных существ в русском языковом сознании (во многих кавказских языках они не являются одушевленными), постоянное совместное проживание со многими из них позволяет приписывать многие качества человека зоонимам и наоборот, причем их связи во многих случаях не случайны. В русских паремиях змея символизирует коварство, зло («Сера, что свинья, зла, что змея», «Глядит, как змея из-за пазухи»), собаки, с одной стороны, - верность преданность («Собака – друг, лошадь – ворог»), а с другой, - злопамятство («За собакой палка не пропадет»), вол символизирует работоспособность, выдержку и упорство («Вол налогом берет, конь урывом»), медведь – силу («Богатый силен, как медведь»), муха и комар символизируют нечто малое, незначительное, безобидное («Он и мухи не убьет», «Он и во сне комара не убьет»), волк – коварство, неблагодарность («Сколько волка ни корми, а он все в лес глядит», «Кобыла с волком тягалась, один хвост да грива осталась»), кошка – распутство («Блудлив, как кошка, а труслив, как заяц»), свинья – грубость, невежество, а иногда и наглость («Не до мытья, коли свинья целок пролила», «Перед свиньями бисера не мечут», «Свиная рожка везде вхожа»), овца – смиренность, кроткость («Молодец против овец, а на молодца и сам овца», «Стать овцою – волки найдутся»), сокола - сплетница («Всякая сокола от своего языка погибает») и др. Следует отметить, что в русских пословицах и поговорках очень много птиц: сокол, ворона, ястреб, синица, перепелка, воробей, лебедь, гусь, сова, голубь и др.

В кавказских пословицах значительно меньше ассоциативных связей с птичьим миром, хотя их немало, и животный мир представлен почти в тех же семантических пространствах. В некоторых случаях можно отметить, что лошадь (конь) в кавказских паремиях символизирует многие смысловые поля, например, в кабардинской пословице доблесть, честь, благородство и другие добродетели соотносимы с данным животным («Выносливый мужчина, что лошадь кабардинской породы»,

«Хорошая лошадь, что верный друг», «Хорошую лошадь иметь, что крылья»). В осетинских паремиях осел – упрямый, глупый, (*«Если хочешь столкнуть осла с обрыва, тяни его от края», «Осел пашню потравил и сам же на село обиделся»*). Для жителей горной местности осел (ишак) является незаменимым животным, поскольку большую часть работы крестьяне выполняют с его помощью. Видимо, поэтому в карачаево-балкарских и дагестанских паремиях осел символизирует трудолюбивого человека (лак. *«Осел готовит, лошадь ест», «Осел и на свадьбе воду возит»*). Собака в абхазской паремии *«Все собаки сильны у себя во дворе»* отражает отсутствие смелости, широкой души, а также ограниченность, в осетинских пословицах – кроткое, терпеливое существо (*«И собака залает, если на него камнем замахнешься»*), а в чеченском варианте – это враг, соперник: *«Имеющий двух жен не нуждается в собаке», «Когда спросили, что хорошо, заяц ответил: «Увидеть собаку раньше, чем она тебя увидит»*).

Достаточно распространенным для всех языков являются сравнения, выявляющие характерные черты предметов или явлений: чеч. *«Женский ум короче, чем хвост лягушки»*, осет. *«Не конь, а ладья»*, рус. *«Плавно идет, как лебедушка», «Силен, как бык, а смирен, как корова», «Как теленок: кто погладит, того и полизет»*, абаз. *«Ест, как великан, а работает, как филин»*, каб.- черк. *«Выращивать лук – большие пальцы, а кушает лук, как суслик»*. Подобных сравнений в паремиях намного больше, мы их обозначили для того, чтобы показать, что в каждом языке они являются устойчивыми по своей структуре и демонстрируют свою систему символов. Коннотативные значения, передаваемые данными сравнениями и ассоциациями, содержат прагматический потенциал и хорошо осознаются носителями языка. Моделируемые зоонимами ситуации и оценки специфичны для определенного типа культуры, можно сказать, что они проецируют национальную особенность мировидения и оценку человеческого существа. Так, в абазинских паремиях различные смыслы житейского бытия переданы аллегоричными фразами: *«Собачий хвост связывает со свиным хвостом»* (пройдоха), *«Заяц сколько просидел, столько и бегают»* (наверстать упущенное), *«Он залезает в куриный череп»* (попасть в безвыходное положение), *«Его надо заставить подержать хвост собаки»* (проучить), *«Он натянул на себя собачью шкуру»* (неподступный) и др.

Широкое распространение в паремиях получили природно-климатические и ландшафтные лексические единицы, передающие предметное пространство, окружающее человека, и формирующие стереотипы и эталоны национального сознания. В русских паремиях чаще встречаются лес, поле, море, река как нечто большое, бескрайнее и в то же время близкое, родное, а в кавказских паремиях – горы, скалы, ущелья, равнины, реки, родники (рус. *«Лес рубят – щепки летят»*, лак. *«Скала не рухнет – пыль не поднимется»*, лезг. *«Дерево рубят – весь лес слышит»*, карач.-балк. *«Кто работает в горах, того хвалят на равнине», «Хвали горы, выбирай равнины»*, абхаз. *«Кому вред причинят за горою, тот заставит раскатиться по эту сторону горы»*, осет. *«Обицами силами скалы ворочают»*, чеч. *«Живущий у реки знает брод»*, каб.-черк. *«Кто живет на берегу, тот знает, где рыба водится»*, лак. *«Горы рушит ветер, а дружбу – злое слово»*, авар. *«Гору одолей поутру, речку – в полдень»*). Вместе с тем в пределах одной лингвокультуры природные условия существенно могут различаться, что может привести к появлению

разных смысловых вариантов пословиц. Изучив дагестанские паремии, А.Ф.Назаревич отмечал, что «только ногаец в Каспийском приморье пошутит *«Хвастающийся чутьем на дорогу обязательно заблудится в тумане»*. В горах так не скажут; там на узкой тропе можно сорваться, но не заблудиться!» (10, с.8). Таким образом, мы можем утверждать, что каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции, которую можно назвать национальной концептуализацией пространства.

Удивительная способность народа передать схожие смыслы разными паремиями, соотнося их с различными реалиями, четко прослеживается в большом пласте исследуемых текстов. Для русского языкового сознания *«За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»*, для чеченского – *«В один кулак два арбуза не вмещаются»*, для осетинского – *«Нельзя сразу сесть на двух коней»*. Запоздалое действие в русском паремиологическом фонде передано *«После боя кулаками не машут»*, в кабардинском сказано *«После дождя бурку не надевают»*, а в чеченском *«После кражи коровы засов не закрывают»*. Но имеются также те смысловые единицы, которые уникальны для определенной лингвокультуры, как, например, не имеющая аналогов в других исследуемых паремиологических фондах маркетинговая установка в чеченском материале: *«Не потребуешь того берега, не получишь и этого»*. Мысль о том, что без жертв ничего не дается, выразительно и с национальным кавказским колоритом передано в чечено-ингушской паремии *«Не обжигая шампура, не изжаришь шашлыка»*.

Своеобразными маркерами национального мировидения выступают лексемы, не имеющие эквивалентов в других языках, которые чаще всего связаны с обозначениями одежды (костюма) или еды. Так, например, в русских и осетинских встречаются пиво и пироги (осет. *«Пива у них – на всю чашку, а позора – на все ущелье»*), в карачаево-балкарских *джерме* – вид национальной колбасы (*«Тому, кто работает, – джерме, а кто не работает – ничего»*), в дагестанских текстах чаще встречаем *хинкал*, *кумыс* и *бузу* (*«С гостем веди расчеты только на хинкале»*, *«Угощай кумысом того, у кого есть кобылица, – и он угостит тебя»*, *«Если спина не согреется летом в поле от солнца, то зимой не согреется от бузы живот»*), в абазинских *мгьал* – хлеб из просяной муки (*«Невозможно оценить вкус мгьала, который не заработан тобой»*), в кабардино-черкесском – *копченое мясо (лыгур)* и *паста* (*«Будешь работать, будешь есть копченое мясо»*). Во многих случаях названия национальных блюд соотносятся с наградой за труд, который во всех культурах оценивается как высшее благо, или с самой заветной мечтой, высшей оценкой, например, карач. *«Для каждого человека свой ум – бышлак биширген (пюре с сыром)»*.

Из названий одежды можно отметить русские лапти, символизирующие действие, всякое деяние, требующее завершения (*«Лапти плетешь, а концы хоронить не умеешь»*), в дагестанских паремиях встречаем *чарьки* (горская обувь из сыромятной кожи), связанные со смыслом добротного выполнения дела (*«Шьешь чарьки, так шей пару»*).

Чтобы понять смысл пословичного текста, нужно знать гораздо больше того, что содержится в поверхностной структуре текста. Фольклору вообще не свойственно воспроизведение жизни в эмпирически натуральных формах. Для правильного понимания и успешной интерпретации необходимы «предзнания», основанные

на «знании традиций» и «памяти традиций», базирующихся на прагматических культурных представлениях, ценностях и в целом на менталитете этноса. Таким образом, при выявлении культурных смыслов паремий необходимо владение фоновыми знаниями, которые обретают в данных текстах «свое языковое бытие в культурной коннотации» (В.Н.Телия). Именно культурные коннотации становятся маркерами национальной и культурной специфики (идентичности), представляют культурный код в его ценностных представлениях и ориентациях на практическую жизненную философию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛЕВИТ, С.Я.(1995): «Культурология как интегративная область знания» в Кн.: *Культурология. XX век. Антология*. Издательство «Юрист». Москва с.654-657.
- ТЕЛИЯ, В.Н.(1996): *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва.
- НЕКЛЮДОВ, С.Ю.(2005): «Семантика фольклорного текста и «значение традиции»» в Кн. *Славянская традиционная культура и современный мир*. Сборник материалов научной конференции. Составители В.Е.Добровольская, Н.В.Котельникова. Вып.8.Москва. С.22-41.
- БОЛЬШОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. Языкознание (1998). Большая российская энциклопедия. Москва.
- ШТЕЙНГАРТ, Л.М. *Коннотация как показатель национальных особенностей картины мира (на материале пословиц и поговорок российских немцев)* электронный ресурс: laibrary.krasu. ru > ft\ft – articles \ 0103752.pdf.
- МАСЛОВА, В.А. (2005): *Когнитивная лингвистика: учебное пособие*. Минск.
- КРАСНЫХ, В.В. (2003): «Свой» среди «чужих»: миф и реальность? Гнозис. Москва.
- КИМОВ, Р.С. (2010): *Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков)*: Диссертация на соискание ученой степени докт. филол. наук. Нальчик.
- БИТОВОКОВА, С.Х.(2009): *Парадигмальность метафоры как когнитивного механизма (на материале кабардинского, русского и английского языков)*: Диссертация на соискание ученой степени докт. филол. наук. Нальчик.
- НАЗАРОВИЧ, А.Ф. (1997): *Пословицы и поговорки народов Дагестана. Отобранное по крупицам. Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок*. Махачкала.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- БЛЯГОЗ, З.У.(2006): *Жемчужина народной мудрости (адыгейские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках)*. Майкоп.
- ДАЛЬ, В.И.(2006): *Пословицы русского народа*. Издательство Эксмо. Москва.
- КАБАРДИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ (1967) /Сост. А.Гукемух, З.Кардангушев. Нальчик.

- ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НАРОДОВ ВОСТОКА (1961) / Сост. Ю.Э.Брегель.
Москва.
- ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (1958). Махачкала.
- ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО – Черкессии (1990).
Черкесск.
- ПРИГОРШНЯ ЖЕМЧУЖИН. *Пословицы и поговорки народов Северного Кавказа*
(1988). Издательство Ростовского университета. Ростов.
- ОСЕТИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ (1980). Наука. Москва.